

А. Гордон

Планирование в системе социально-экономических и технических знаний¹

Всякая наука формируется из разрозненных элементов, по мере того как познание отдельных фактов и осознание приемов практической деятельности дают материал для классификации и обобщений. Но на определенной стадии практической деятельности, еще до того, как накопились в достаточной степени элементы будущей науки, сама практика начинает повелительно требовать научных обобщений и толкать мысль в неизведанные области, неизменно однако следуя за ней и исправляя ее заблуждения.

Так на наших глазах формируется наука планирования, наука пролетариата, преобразующего мир.

На данной стадии формирования науки о планировании, как и на первых стадиях формирования всякой науки, чрезвычайно трудно отграничить ее от смежных отраслей и указать ее место в системе научных знаний.

Планирование есть практическая деятельность, направленная к планомерному преобразованию существующих общественных отношений производства и существующей системы производительных сил в систему социалистической, а затем и коммунистической организации общества. Эта именно практическая деятельность и лежит в основании учения о планировании, однако последнее не есть простое ее описание. Учение о планировании есть система научных знаний о механизме социалистической реконструкции общества. К нему вполне применимо то определение, которое Энгельс дал марксизму: учение это — не догма, а руководство к действию.

Учение о планировании, как учение о механизме социалистической реконструкции общества, не может не носить следов общества переходного периода, в котором плановый регулятор систематически вытесняет, но еще не вытеснил стихию общественных отношений производства. Однако своей положительной стороной оно обращено вперед: оно основано на предпосылке рационализации общественного процесса в целом до конца. В общественных отношениях, в которые люди в процессе производства вступают друг к другу и к природе, оно изучает те их стороны и те их сочетания, которые позволяют

произвести полную рационализацию общественного процесса¹. Необходимым условием, без которого эта задача неразрешима, является уничтожение общественных классов. Поэтому в обществе переходного периода учение о планировании есть учение классовое не только в том смысле, что механизм социалистической реконструкции есть вместе с тем и механизм построения бесклассового общества, но и главным образом в том, что одним из основных рычагов этого механизма является исключительное господство пролетариата и одним из основных условий, мешающих правильной работе этого механизма, является прямое сопротивление остатков капиталистических классов и инерция колеблющихся промежуточных классов в стране. Учение о планировании в обществе переходного периода есть поэтому система научных знаний о механизме социалистической реконструкции в условиях диктатуры пролетариата и в обстановке еще не закончившейся классовой борьбы.

Рационализировать до конца весь общественный процесс в целом, т. е. обеспечить действительное и точное выполнение плана, построенного на основании заранее поставленной цели, значит — сделать отношения между людьми, возникающие в общественном процессе производства и распределения, такими же ясными и прозрачными и столь же послушными нашей воле, столь же поддающимися нашему воздействию, как и отношения человека к природе. Это значит — ввести в практическую деятельность, направленную к использованию в целях производства общественных связей между людьми, ту же нить технического или, точнее, естественно-научного исследования, то же техническое отношение, какое существует в производстве между человеком и силами при-

¹ В этом смысле планирование народного хозяйства принципиально отличается от того прямого вмешательства государства во взаимные отношения автономных хозяйствующих единиц и от того прямого воздействия на автономную хозяйственную деятельность, которые характеризуют хозяйственную политику капиталистического общества во время войны: не только потому, что «военное планирование» представляет собой аномалию, которая не вяжется с представлением о рационализации общественного процесса, но и потому, что даже эту аномальную рационализацию капиталистическому обществу в условиях для этого чрезвычайно благоприятных не удалось последовательно развить до конца. Проф. Я. М. Букшпан, который в своей книге «Военно-хозяйственная политика» (ГИЗ, 1928 г.) отмечает, «до какой степени приспосаблиемости мог дойти под влиянием военной необходимости капиталистический режим без нарушения его основ — частной собственности на средства производства, наследственного права и т. п.» (стр. 36), должен однако признать, что даже в Германии, которая в этом смысле сделала наиболее крупные успехи, регулирование цен было неудачным и имело свое влияние лишь в применении к товарам узко казенного спроса (стр. 99), что в Германии же «регулирование сельскохозяйственного производства было весьма затруднено и мало успешно» (стр. 173). Крупные успехи, по мнению Я. М. Букшпана, были достигнуты в Германии в области регулирования промышленности, где совпадали «задачи государства, не боящегося никаких затрат, лишь бы удовлетворены были потребности ведения войны, и интересы промышленности, которой военные заказы сулили грандиозные прибыли» (стр. 206). Но и здесь «в промышленных кругах назревали оппозиционные настроения против принудительных объединений» (стр. 215), и в своих речах в рейхстаге министр внутренних дел Гельферих разъясняет, что только «под давлением обстоятельств» правительство решило стать на этот путь, с которого оно сойдет, как только «позволят обстоятельства». Но и это «врастание государства в частнохозяйственные организмы», о котором говорит Я. М. Букшпан, описывая мобилизацию промышленности в Германии (стр. 184), относилось лишь к военной и притом крупной промышленности.

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

роды. Но это значит также — изменить одновременно и само техническое отношение общества к природе, т. е. рационализировать до конца общественное отношение к природе.

Здесь не место останавливаться на теории «организованного капитализма». Достаточно указать на то, что невозможность рационализации общественных отношений производства в капиталистической системе хозяйства с непрекаемой очевидностью вытекает из того анализа фетишизма товарного производства, который дал Маркс. Для тех, для кого убедителен этот анализ, не может быть убедительна теория «организованного капитализма»¹. А кого не убеждает «теория», может быть, убедит «практика» современного кризиса в САСШ. Но капитализм не только не в состоянии рационализировать производственные отношения людей, он не в состоянии рационализировать до конца и производственные отношения общества к природе. Известны рассуждения П. Струве об основном дуализме общественно-экономического процесса, в котором якобы есть два ряда явлений, из которых один ряд — отношение человека к природе — может быть рационализированным, т. е. «направленным согласно воле того или иного субъекта», и другой ряд — отношения людей в процессе производства, — «не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно вне соответствия с волей какого-нибудь субъекта»². Но любопытно, что этот «основной дуализм» блестяще опровергается самим же П. Струве, совершенно отчетливо выясняющим зависимость техники от данной общественной системы производства, когда он, как настоящий апологет капитализма, подходит к анализу техники — техники, разумеется, в условиях капиталистического хозяйства. «Не может быть», — говорит он, — «технических действий», которые, будучи разумными, не были бы «хозяйственными». «Техника как таковая есть целесообразная деятельность и уже в силу одного этого технической целесообразности, которая не совпадала бы с рациональностью экономической, в хозяйстве быть не может»... «техническое рассуждение, раз хозяйственной целью поставлено его задание, есть рассуждение исключительно и до конца естественно-научное. Но это не значит, чтобы техническое рассуждение возможно было вести отвлеченно от хозяйственного задания, и чтобы

¹ П. Струве. Хозяйство и цена, ч. I, СПб—М., 1913 г., стр. 60-61.

² Характерно, что один из самых откровенных и, когда он еще не совсем впал в мистицизм, один из самых умных апологетов капитализма — П. Струве, писавший в своей книге «Хозяйство и цена», что «общественно-экономический процесс не может ни сам до конца рационализироваться на основе свободной игры хозяйственных сил, ни быть до конца рационализированным велением какого-нибудь субъекта власти» (стр. 60), должен был признать, что невозможность рационализации общественного процесса в капиталистической системе хозяйства доказана Марксом в его учении о фетишизме товарного производства. То, что доказано Марксом для исторически обусловленной системы хозяйства, П. Струве пытается ввести в абсолютный, «естественный» закон всякого общества, и ошибку он видит в том, в чем как раз заключается величайшая заслуга Маркса, т. е. в том, что невозможности рационализации общественного процесса Маркс приписал чисто исторический характер, обусловленный капиталистическими отношениями собственности и присвоения.

результаты технического рассуждения и технического действия не нуждались в санкции хозяйства»¹. В дальнейшем П. Струве раскрывает характер этой «санкции хозяйства» — ultima ratio капиталистического хозяйства, в подчинении к которому находится капиталистическая техника, как общественная категория. «Экономический процесс, поясняет П. Струве, есть всегда процесс приобретения. Производство, как материальный процесс, существенно для этого экономического процесса, но оно недостаточно для него и не совпадает с ним»².

Товарная форма общественных связей, общественный атомизм ставит непреодолимые преграды как для рационализации общественных отношений, так и для рационализации отношений технических.

Социалистическое планирование есть не только рационализация общественных связей людей между собой, но и одновременно рационализация отношений общества к природе — не отношений отдельного человека к природе, которые уже рационализированы, а именно общественных отношений к природе, столь же «иррациональных» в условиях капиталистической системы хозяйства, как и отношения людей друг к другу в процессе производства. Разрывая индивидуалистическую оболочку, сковывающую социальное содержание техники, планирование является могучим фактором реконструкции техники как определенной формы общественной практической деятельности и как системы научных знаний.

По мере того как растут успехи планирования, т. е. усиливается организованность общества, — общественные отношения производства сбрасывают скрывающий их и придающий им загадочность товарный и правовой покров и превращаются в то, чем они по сути своей и являются, — в отношения людей, связанных между собой технической целесообразностью, т. е. в отношения обозримые, отношения, которые могут быть предвидены, учтены и заранее рассчитаны. Но по мере того как будет происходить этот процесс, технические действия также будут терять свой специфический, отделяющий их от экономики характер — не в том смысле, как это понимает П. Струве, что они будут нуждаться в «санкции хозяйства», а в том смысле, что исчезнет и техника и экономика в современном их понимании и сотрется грань между экономикой и техникой. Экономические действия станут своеобразными техническими действиями и будут отличаться от того, что мы называем техникой не больше, чем например сейчас техника металлургии отличается от техники машиностроения. Экономика станет конкретной, как техника, но и техника станет социальной, как экономика.

¹ П. Струве. Хозяйство и цена, ч. II, СПб, 1915 г., стр. 4.

² Там же, стр. 24. А что такое «приобретение», П. Струве также недвусмысленно поясняет: «Вся экономическая деятельность всякого хозяйствующего субъекта стремится получить большее за меньшее, стремится к реализации положительных ценностных разностей». Там же, стр. 22.

В том огромном перевороте в системе социальных и технических знаний, который несет с собой полная рационализация общественных отношений производства и который в сущности и будет прыжком из царства необходимости в царство свободы, планированию — на стоящей его стадии, т. е. в переходной к социалистическому обществу,—принадлежит роль формирования соответствующей «экономической» и «технической» идеологии. Было бы слишком упрощено и наивно представлять себе планирование научно-исследовательской (экономической и технической) работы формально, как составление и «увязку» между собой годовых и перспективных планов научно-исследовательских работ. Это — внешняя и далеко не существенная сторона планирования. Самым существенным в планировании научно-исследовательской работы является постановка перед экономическим исследованием тех комплексов технических задач, для решения которых требуется найти соответствующую рациональную форму общественных отношений производства, и постановка перед техническим или естественно-научным исследованием тех комплексов общественных производственных отношений, для осуществления которых необходимо достигнуть определенного уровня производительной силы труда.

В синтезе «технического» и «экономического» планирования формируется плановое мышление, которое становится формой мышления десятков миллионов трудящихся, формируется тот новый мир мыслей, в котором сейчас живет и работает советский техник, экономист, педагог, врач и т. п. Планирование представляет собой в советской стране особый вид практической деятельности, которая, чем дальше, тем больше специализируется и выделяется из прочих видов практической деятельности, хотя все виды и формы деятельности в области нашего хозяйства и культуры настолько пронизаны плановым началом, что основы планирования должны быть известны всем и должны стать предметом элементарного образования.

Учение о планировании есть учение о синтетическом планировании, в которое отраслевое планирование входит в своем недифференцированном виде. Отраслевое планирование требует дальнейшей специализации, тесно связанной со специальными отраслевыми техническими и экономическими науками. Это — дальнейшие ступени общей науки планирования, ее специальные ответвления, которые будут складываться по мере того, как в самой практике планирования будут созданы для этого необходимые предпосылки. Планирование пока еще находится на той стадии своего оформления, когда оно осуществляется не «индустриальными», а «кустарными» методами — путем кооперации, основанной не на разделении труда, а на соединении недифференцированного труда общегосударственных и отраслевых плановых органов. Перелом в этом направлении намечается, но он еще не совсем ясен и самим практикам планирования.

Находясь на грани между знанием «экономическим» и «техническим», будущая наука о планировании должна будет впитать в себя

элементы того и другого, будучи более «экономической» в ее синтетической части и более «технической» в ее отраслевых ответвлениях.

Наиболее трудным является отграничение общего учения о планировании, т. е. синтетической части складывающейся новой науки, от учения об экономике переходного периода («советское хозяйство»), с одной стороны, и от экономической политики — с другой, так как и та и другая области знания также находятся еще в процессе формирования.

Плановый комплекс является отображением в нашем сознании многообразной сложной связи взаимоотношений и взаимодействий между двумя сложными комплексами — между процессами, происходящими в народном хозяйстве, и процессами, происходящими в самой практической деятельности общества, воздействующего на народное хозяйство. Каждый из этих комплексов имеет свою структуру, и до тех пор, пока существует «гетерогения целей» в человеческом обществе, каждый из них имеет свою внутреннюю логику развития, свой принцип и формы самодвижения, из взаимодействия которых слагаются структура и динамика всего сложного социального комплекса¹. Экономика переходного периода и экономическая политика изучают, каждая в своей области, один из этих сложных комплексов-компонентов социального комплекса: экономика переходного периода — структуру и закономерность советского народного хозяйства, закон его движения; экономическая политика — структуру и закономерности самих мероприятий, воздействующих на народное хозяйство². Само собой разумеется, что экономика переходного периода, как система теоретических научных

¹ «... в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознанного намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно ни мало не изменяет того факта, что ход истории определяется общими законами. В самом деле, на поверхности явлений и в этой области, несмотря на сознанные и желанные цели людей, царствует кажущаяся случайность. Желанное совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимное столкновение и противоречие или оказываются недостижимыми... Действия имеют известную желанную цель, но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе нежелательны. А если они повидимому и соответствуют желанной цели, то в конце концов они несут с собой далеко не одно то, что было желательным. Таким образом кажется, что в общем случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности господствует случайность, там сама эта случайность всегда «оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам». Фр. Энгельс. Людвиг Фейербах, перев. Г. Плехалова; Г. В. Плеханов, соч., том VIII, ГИЗ, 1923 г., стр. 345-346.

² В речах и докладах Ленина, посвященных науке, можно найти немало глубоких замечаний и ту истинно научную постановку вопросов, откуда наука о советской экономической политике может почерпнуть ряд важных методологических указаний. Совершенно исключительный интерес представляет с этой точки зрения блестящая речь Ленина на Московской губ. парт. конференции 29/X 1921 г., в которой он намечает, так сказать, и разрезы проблем экономической политики: 1) ознакомление и оценка постановлений и законов, касающихся экономической политики; 2) анализ результатов экономической политики и 3) то, что составляет предмет его речи «Вопрос о тактике или, если можно так выразиться, о революционной стратегии и об оценке условий того, насколько эта политика соответствует общему пониманию нами наших задач», см. Собр. соч., т. XVII, ч. I, изд. 1-е, ГИЗ, 1925 г., стр. 355-371.

знаний, не может не учитывать экономической политики государства, как предпосылки для своих обобщений, и — наоборот: экономическая политика, как наука, имеет своей предпосылкой закономерности народного хозяйства, изучаемые экономикой переходного периода. Но это — та связь, которая определяется единством объекта всех социальных наук, единством общественных процессов, в которых «материальное» возникает и изменяется благодаря воле и практической деятельности людей, живущих в обществе, а воля и практическая деятельность людей определяются движением материального процесса и в нем именно «материализуются». Это единство объекта изучения не только не может служить препятствием для раздельного изучения отдельных сторон сложного общественного процесса, а наоборот требует раздельного его изучения, так как в противном случае объект изучения стал бы совершенно необозримым и в силу этого не познаваемым.

Если экономика переходного периода изучает закономерность динамики переходных форм, и если экономическая политика изучает закономерность динамики основных задач, которые себе ставит государство для достижения конечной цели — социализма, то учение о планировании изучает, с одной стороны, самый механизм создания новых форм путем использования существующих в каждый данный момент форм переходного периода для решения определенных задач и, с другой стороны, самый механизм постановки и расчленения конкретных задач в зависимости от «революционной стратегии», определяемой экономической политикой на данном этапе динамики переходных форм. Эта, с виду сложная связь между учением о планировании, экономикой переходного времени и экономической политикой, определяющей место учения о планировании в ряду указанных наук, очень ярко иллюстрируется мыслью, брошенной Лениным по совершенно другому поводу. Говоря о том, что мы начинаем овладевать оборотом между промышленностью и земледелием, что мы начинаем овладевать задачей «уцепиться за наличную, мелкую, отсталую промышленность или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему рядовому крестьянину экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности», — Ленин замечает: «Всеми и всякими экономически переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том необходимость для укрепления связи крестьянства с пролетариатом для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подема промышленности, для облегчения дальнейших более широких и глубоких мер, как то электрификации¹. Учение

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, ГИЗ, 1925 г., 1-е изд., стр. 381. «О значениях золота теперь и после полной победы социализма».

о планировании и должно дать представление о том, как пользоваться всеми формами для решения задач, диалектически возникающих в процессе социалистического преобразования общества.

Планирование рационализирует и организует народное хозяйство, но оно не есть деятельность, направленная на рационализацию и организацию отдельных предприятий или их комбинатов — внутри или межотраслевых — как бы обширны последние ни были. Там, где отношение социалистического обобществления — диалектическое единство производительных сил и общественных отношений — расщепляется, там нет планирования, а есть техническая деятельность по организации производства и управления, хорошо известная и капиталистическому обществу, создавшему ряд дисциплин по рационализации, по «планированию» предприятий и научной организации труда¹. Расширяя объем планирования до «планирования» работы отдельных предприятий или их комбинатов, мы настолько обесцвечиваем понятие планирования, что оно по своему содержанию совпадает с понятием всякой административно-организационной и технико-нормировочной производственной деятельности. То обстоятельство, что предприятия или их объединения не только имеют «планово-распределительные» бюро, но и работают по определенным планам, не должно нас вводить в заблуждение относительно истинного характера этого вида «планирования». Составление технических торгово-производственных и финансовых планов — долгосрочных (перспективных) и краткосрочных (годовых и квартальных) — отдельных предприятий и комбинатов не есть особенность только нашей системы хозяйства. Техническое совершенство форм организации и рационализации и формальная точность расчета в каждом отдельном из предприятий и концернов, разобщенных отношением собственности, представляют собой высшую ступень «планирования», на которую способно подняться капиталистическое хозяйство². Планирование отдельных предприятий, которое в капиталистической системе вырастает из рыночных отношений и на эти рыночные отношения ориентируется, окрашивает это «планирование» в «народнохозяйственный» цвет. Но то обстоятельство, что в условиях товарно-денежных связей некоторые элементы такого «народнохозяйственного» планирования отдельных предприятий сохраняются еще у нас, не дает оснований некритически переносить понятие планирования на работу наших предприятий промышленных, сельскохозяйственных, транспортных и т. п. — на работу по существу организационно-рационализаторскую, стирая грань между регулятором народнохозяйственного процесса и регуляторами разобщенных производственных процессов. Правда, организационно-рационализаторская работа и планы отдель-

¹ См. нашу статью «Синтетическое планирование и организация планового факультета в составе соц.-экономического вуза», «Плановое хозяйство», 1930 г., № 1.

² См. например о планах в американской промышленности — А. М. Гинзбург. «Очерки промышленной экономики», ГИЗ, 1930 г., стр. 231—239.

ных предприятий, находящиеся в капиталистическом обществе исключительно под воздействием рынка и им определяемые, строятся у нас под воздействием принципиально иного начала — плана народного хозяйства, как плана социалистического преобразования общества. С этой точки зрения и «планирование» отдельных предприятий у нас принципиально иное: заимствуя совершенство форм организации и рационализации, как и совершенство техники, у капиталистического общества, мы не только вкладываем в эти формы иное содержание, но и преобразуем самые формы, превращая их в рычаги социалистической реконструкции. Тем не менее смешивать то, что находится под воздействием планирования и что служит целям планирования, с самим планированием было бы грубой методологической ошибкой, способной затемнить содержание планирования, как особого, свойственного только советской системе хозяйства, вида практической деятельности. Так называемое «планирование» работы предприятия есть объект народнохозяйственного и отраслевого планирования, как и научно-исследовательская работа, как и капитальное строительство и т. п., но само оно, подобно научно-исследовательской работе, капитальному строительству, производству и т. п., представляет собой конкретную хозяйственную деятельность, а не планирование, несмотря на то, что оно носит это название. Тождественность терминологии не должна нас вводить в заблуждение относительно различной природы и сущности этих двух видов хозяйственного строительства. Поэтому наука планирования как в своей синтетической части, так и в своих специальных отраслевых ответвлениях, заимствуя материал из всех видов конкретной хозяйственной и культурной работы, в том числе и из так называемого «планирования» предприятий, не может делать содержание последнего своим объектом.

Основные особенности народнохозяйственного планирования проявляются, правда в модифицированном виде, и в планировании отдельных отраслей, т. е. в том планировании, которое даже в разобранном от планирования народного хозяйства виде недоступно в более или менее последовательно развитых формах капиталистическому обществу. Здесь наука планирования в своих отраслевых ответвлениях сталкивается с так называемыми специальными экономическими науками — экономией промышленности, экономией транспорта, экономией сельского хозяйства и т. п. Специальные (отраслевые) плановые дисциплины сравнительно легко отграничить от тех специальных «экономик», которые нам дает буржуазная экономическая мысль, но их очень трудно отграничить от того, что нам должны давать (и уже начинают давать) «экономия советской промышленности», «экономия советского сельского хозяйства», «экономия советского транспорта», советские «финансы» и т. п. Рассматривая отдельные отрасли в аспекте народнохозяйственном, пропитываясь все больше и больше телеологическим началом с тем субстратом социалистического обобществления, который присущ народнохозяйственному планированию,

специальные экономические науки все больше и больше превращаются в системы научных знаний о социалистической реконструкции соответствующих отраслей, т. е. в специальные ветви общей науки планирования. В такую же ветвь науки планирования, а именно в науку о районной организации хозяйства превращается и традиционная экономическая география.

Общее учение о планировании, как синтетическая часть науки планирования, могло бы быть разбито на два крупных подразделения: I — планирование и II — построение народнохозяйственных планов. Связующим звеном между этими двумя частями должно стать оформление планирования, т. е. анализ правовой и технико-организационной природы плановых актов и анализ самого плана (или планов) народного хозяйства, как формы планирования. Здесь наука планирования смыкается с наукой советского права, в частности с хозяйственным правом.

Первая часть общего учения о планировании могла бы быть, в свою очередь, расчленена на два раздела: 1) учение о плановых комплексах и 2) учение о механизме планирования.

Учение о плановых комплексах должно дать представление о структуре синтетического планового комплекса и о его дальнейших расчленениях (морфология планирования), о временных координатах планирования, т. е. о рычагах оперативного и перспективного планирования и о связях между ними, о пространственных координатах планирования, т. е. о районном планировании в его связи с планированием народнохозяйственного целого.

Учение о механизме планирования должно дать представление о механизме преодоления «гетерогении целей» в советском хозяйстве, о прямом и косвенном действии актов планирования, об их рефлекторном действии, о реакции на акты планирования, в том числе и о реакции социальной среды (классов), о пределах планирования и о методах систематического расширения пределов планирования.

Вторая часть — построение народнохозяйственных планов — может быть разбита на три подразделения: 1) основные принципы методики народнохозяйственного плана и их оценка: определяющие и определяемые элементы плана, метод вариантных приближений, метод динамических коэффициентов и экстраполяции, метод научной экспертизы, балансовый метод, проблема оптимума в плане, проблема резервов, проблема производительности и эффективности в плане, проблема организационная в плане и т. п.; 2) статистическое и численное оформление плана и пределы этого оформления; 3) методика отдельных планов — генерального, перспективного, контрольных цифр, территориальных планов.

Завершением общего учения о планировании является организационное оформление планирования, т. е. анализ орга-

низации плановой работы как системы плановых органов, единой в ее кажущейся разорванности.

Практика планирования достигла такого уровня, когда ее успехи уже находятся в зависимости от того, насколько теория успела осознать и осветить огромный и богатый опыт социалистического строительства. Чем дальше — тем эта зависимость практики от теории будет становиться все более и более непосредственной. Теория планирования становится частью плановой практики и уже по одному этому она должна приковать к себе общественное внимание и стать предметом коллективной научной работы экономистов и техников.